

[...предзащита]...

УДК 78:351.854
ББК 85.31

Е.Л. КАУГАНОВ

**ДЕБАТЫ О КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЕ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ
(1945—1950-е ГОДЫ)**

На основе анализа публикаций общественно-политического характера рассматривается отношение западногерманского общества к проблеме нацистского прошлого и его «преодоления». Исследованы интерпретации темы «коллективной вины» и воздействие национальной историографии на формирование послевоенного немецкого национального и исторического самосознания. Автор останавливается на послевоенных интерпретациях роли Вермахта во Второй мировой войне и ее отдельных военных событий, а также на «перспективе жертвы», присутствующей в учебных пособиях по истории и в подходах к теме немецких беженцев.

Ключевые слова: Западная Германия, национальное самосознание, «час ноль», тезис о коллективной вине, нацизм, проработка прошлого, Аденауэр К.

Освобождение Германии от нацистской диктатуры в 1945 году стало одновременно «низшей точкой» немецкой истории. Значительные территориальные потери, лежащие в руинах немецкие города, огромное число погибших и беженцев, утрата государственного суверенитета — все это создавало, по определению историка Ганса-Ульриха Велера, впечатление «конца Германии» (*Finis Germaniae*) [1, S. 941]. Таким образом, после краха диктатуры Гитлера немецкая национальная идентичность оказалась в состоянии самого глубокого кризиса за всю историю немецкой государственности. Формирование нового немецкого национального самосознания после 1945 года представляло собой сложный и нелинейный процесс, магистральными аспектами которого стали критическая проработка тоталитарного прошлого страны и выстраивание новой политико-культурной системы координат. Для понимания данного процесса, продолжающегося в Германии и по сей день, крайне важно объяснить специфику проблемы вины и ответственности за нацистское прошлое в первые послевоенные годы и в первое десятилетие существования Федеративной Республики Германия.

С катастрофической цезурой 1945 года было связано появление выражения «час ноль» (*Stunde Null*), констатирующего радикальный исторический разрыв, ситуацию *tabula rasa*, нового начала. Выражение, первоначально появившееся в публицистике, быстро стало популярно в обыденной речи и прочно закрепилось в общественном дискурсе [2, S. 37]. Под «часом ноль» подразумевалось в первую очередь тотальное поражение и в то же время шанс на полное общественно-политическое обновление. В одном из самых популярных литературно-политических

журналов послевоенной Германии — «Дер Руф», издателями которого были писатели Альфред Андерш и Ганс Вернер Рихтер, в 1946 году писалось, что в Германии «все уничтожено, однако молодое поколение имеет возможность начать все сначала» [3, S. 146]. Немецкий политолог Дольф Штернбергер писал в своем дневнике 17 июля 1945 года: «Почва действительно ушла у нас из-под ног. Заложим же новую почву!» [4, S. 100], а в сентябре того же года новый ректор Марбургского университета Юлиус Эббингхаус говорил: «Позади нас миллионы убитых, наши дома и наше имущество уничтожены, мы потеряли наше бытие <...> и как подарок от победителей Германия теперь должна принять саму себя» [4, S. 100]. Выраженная в подобных высказываниях надежда на новые возможности общественного созидания перед лицом тотального разрушения старых структур, а также моральный пафос «нового начала» принадлежали к позитивным коннотациям «часа ноль».

С окончанием войны для Германии были связаны долгие и сложные дебаты о понимании 8 мая 1945 года как даты поражения и катастрофы или же освобождения. Можно констатировать, что по отношению к этой дате существует четкое различие между чувствами большинства тогдашних немцев и чувствами и мыслями немцев современных [5, S. 105]. Ситуация «часа ноль» имела парадоксальный характер, так как она одновременно означала освобождение от нацистской тирании и бремени войны, и полную утрату морального достоинства и самосознания, так как демонтаж нацизма происходил извне, а не изнутри. Лишь меньшинство немцев — прежде всего, противники и жертвы нацистского режима — считали поражение Германии освобождением [6, S. 132]. Что касается большинства

немцев, которые были лояльны режиму до самого конца, то они, несмотря на облегчение от завершения проигранной войны, не чувствовали себя освобожденными и демонстрировали не только разочарование в национал-социализме, но и озлобленность по отношению к врагу [7, S. 19]. В 1945—1946 годах американские интервьюеры отмечали среди немцев латентное чувство вины по отношению к преступлениям Вермахта в Европе, однако это чувство относилось не к индивидуальной ответственности, а к ответственности высшего руководства Третьего рейха [7, S. 19]. Еще в 1955 году газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» писала о 8 мая как о «мрачном дне глубочайшего унижения немцев» [5, S. 103]. Ветераны боевых действий не пропускали ни одной возможности пожаловаться на «диффамацию» и оскорбление своего достоинства союзными державами [9, с. 153]. Нюрнбергский процесс против главных нацистских преступников зачастую рассматривался немцами как «правосудие победителей» и воспринимался либо с безразличием, либо с подчеркнутым недовольством [10, S. 23].

Особое место в послевоенном общественном дискурсе занял тезис о коллективной вине (Kollektivschuld—These) немцев за преступления нацизма. Инициаторами дискуссии о вине стала группа немецких интеллектуалов, публицистов и общественных деятелей. Первым, кто затронул тему немецкой вины, стал немецко-швейцарский психолог с мировым именем Карл Густав Юнг. 11 мая 1945 года Юнг дал интервью газете «Вельтвохе», в котором выступил как защитник тезиса о коллективной вине и ответственности немцев за нацизм. Согласно Юнгу, «все немцы, осознанно или неосознанно, активно или пассивно, участвовали в злодеяниях», «никому не было ничего известно о преступлениях и, тем не менее, известно». «Вопрос о коллективной вине для психологов является фактом, и единственное его решение — это полное признание вины <...>. Сегодня немцы подобны пьяному человеку, который пробуждается наутро с похмелья. Они не знают, что они делали, и не хотят знать. Существует лишь одно чувство безграничного несчастья. Они предпримут судорожные усилия оправдаться перед лицом обвинений и ненависти окружающего мира, но это будет неверный путь. Искупление <...> лежит только в полном признании своей вины», — утверждал ученый [11]. Отталкиваясь от тезиса о коллективной вине, Юнг приветствовал меры западных держав по принудительной демонстрации гражданскому немецкому населению концлагерей с целью убедить немцев в ответственности за произошедшее. Однако в то же время Юнг подчеркивал, что «невозможно достичь цели только моральным поучением, раскаяние должно родиться внутри самих немцев» [11].

Тема коллективной вины также стала предметом книги «Вопрос о вине» крупного немецкого философа Карла Ясперса, в основу которой легли лекции, прочитанные им в Гейдельбергском университете в 1946 году. В своей книге Ясперс дифференцировал проблему вины на уголовный, политический, моральный (нравственный) и метафизический аспекты. Не признавая напрямую кол-

лективной вины немцев, Ясперс подчеркивал политическую со-ответственность немецкого народа за нацистские злодеяния. Согласно Ясперсу, «немцы несут политическую ответственность за режим и за его преступления, за начало войны и за тот тип руководителей, которому они дали возможность управлять Германией» [12, S. 10]. «Мы должны взять на себя вину наших отцов. За то, что в духовных условиях немецкой жизни была возможность для такого режима, мы несем со-ответственность <...>. У нас как народа есть в традиции что-то могущественное и грозное, таящее в себе нашу нравственную гибель» [12, S. 16]. Однако следует отметить, что тезисы Юнга и Ясперса не нашли понимания у большей части населения послевоенной Германии. Сам Ясперс так описывал реакцию студентов на свои лекции: «Мне трудно говорить, когда я вижу на лицах выражение неприязни... Еще никогда, за вычетом 1937 года, я не имел дела со столь враждебно настроенной аудиторией, как сейчас» (цит. по: [13, S. 22]). Среди немцев отчетливо проявлялось стремление защититься от травмы коллективной вины. С этой целью развивались различные механизмы освобождения от вины, в первую очередь замалчивание, а также четкое размежевание между нацистским режимом и немецким народом. Нацистский режим, ассоциировавшийся с группой политических вождей Третьего рейха, позиционировался как преступный, тогда как народ выступал как жертва обмана и манипуляций данной преступной группы. Ответственность немецкого народа за нацизм не признавалась. Напротив, в общественном дискурсе главный акцент ставился на страданиях немцев как главных жертв войны. Вместо коллективной вины отстаивалась «коллективная невиновность», или, другими словами, «перспектива жертвы».

В первые послевоенные годы «перспектива жертвы» преобладала не только среди большинства немецкого населения, но и была точкой зрения официального политического руководства ФРГ. Так, одним из первых шагов правительства Аденауэра стал закон об амнистии 1949 года, за которым последовал закон 1951 года, положивший начало интеграции деятелей и сторонников национал-социализма в западно-германское общество. Как отмечает исследователь послевоенной немецкой культуры памяти профессор Рейнско-Вестфальского технического университета Аахена Хельмут Кёниг, старые элиты почти в полном составе вернулись на свои позиции в государственном аппарате, юстиции, науке и экономике [14, с. 419]. Прошлое большинства «добровольных подручных» и «попутчиков» объявлялось их частным делом и замалчивалось — при условии, что соответствующие лица, исполняя свои профессиональные и политические роли, не подрывают новый демократический порядок [14, с. 419].

Таким образом, на протяжении большей части «эпохи Аденауэра» забвение прошлого было доминирующей позицией большинства граждан ФРГ. Дискурс памяти о Холокосте и немецкой ответственности был позицией меньшинства. Наиболее значительными представителями этого меньшинства на политическом уровне стали лидер западно-германских социал-демократов Курт Шумахер

и первый послевоенный министр культуры Баден-Вюртемберга, а затем и первый президент ФРГ Теодор Хойс. Уже весной 1947 года на съезде социал-демократической партии в Нюрнберге Шумахер выступил за компенсацию морального и материального ущерба еврейскому народу, и подчеркнул обязанность участия в ней всех немцев [15, S. 217]. Стоит отметить, что Шумахер стал первым немецким политиком, приглашенным в Соединенные Штаты Америки после 1945 года. В октябре 1947 года в рамках рабочей поездки в Сан-Франциско политик произнес речь перед членами Американской федерации труда, в которой еще раз подчеркнул, что немцы обязаны возместить ущерб евреям, пострадавшим от нацистов [16, S. 188]. 30 ноября 1952 года президент Хойс выступил с речью в бывшем концлагере Берген-Бельзен по случаю открытия памятника его жертвам, в которой жестко раскритиковал попытки затушевать немецкие преступления или релятивизировать их ссылкой на чужие [17, S. 225]. В то же время, несмотря на наличие подобных призывов, в первом правительственном обращении Конрада Аденауэра евреи как жертвы нацизма были упомянуты лишь мимоходом. В центре внимания обращения Аденауэра находились немецкие жертвы: военнопленные, депортированные, пострадавшие от бомбардировок граждане Германии [18].

О безразличии по отношению к еврейским жертвам войны, царившем в Германии в первые послевоенные годы, свидетельствовала известный немецко-американский политолог Ханна Арендт, в 1950 году впервые после войны посетившая ФРГ: «Повсюду можно заметить, что нет никакой реакции на произошедшее, однако трудно сказать, является ли это намеренным отказом скорбеть или выражением действительной бесчувственности» [19, S. 70]. Наблюдения Арендт подтверждались эмпирическими данными соцопросов послевоенного периода. По результатам первых опросов в декабре 1946 года, 61 % немцев придерживался антисемитских и расистских взглядов [21, S. 195]. Опрос 1951 года показал, что 40 % населения ФРГ считали «самым лучшим временем» период с 1933 по 1938 годы, 45 % назвали лучшей эпохой кайзеровскую Германию, и лишь 7 % отдали свое предпочтение Веймарской республике [21, S. 207]. Таким образом, ориентация на авторитарное государство большинством немцев не воспринималась как проблема. Многие немцы различали «хорошие 30-е» и «плохие 40-е», под которыми подразумевалась фаза военных неудач Германии [21, S. 207].

Эти и другие факты замалчивания и игнорирования нацистских преступлений, самооправдания и безразличия к немцам жертвам в первые послевоенные годы, а также в ранний период существования ФРГ, впоследствии стали почвой для резонансной книги супругов Мичерлих [22], выдвинувших тезис о неспособности немцев к скорби, то есть о вытеснении из коллективной немецкой памяти всего, что было связано с преступлениями нацизма.

Огромным значением для формирования послевоенного немецкого национального и исторического самосознания обладала историография. Ведущие историки послевоенной Германии придерживавшиеся в основном

консервативно-либеральных взглядов (Герхард Риттер, Ганс Герцфельд, Ганс Ротфельс, Вернер Конце, Теодор Шидер, Эгмонт Цехлин, Карл Дитрих Эрдман, Вальтер Бусман и Вальтер Хубач), старались доказать, что между немецкой историей до 1933 года и нацизмом не было континуальности, исторической преемственности, а сам Гитлер являлся гетеродоксальным и в целом «случайным» эксцессом немецкой истории [23, S. 118]. Тем самым, с немецкого народа снималась какая-либо ответственность за нацизм. Тему геноцида евреев ранняя послевоенная немецкая историография практически не затрагивала. В послевоенной исторической литературе особняком стояла лишь работа бывшего узника Бухенвальда Ойгена Когона «Государство СС» [24], в которой автор пытался привлечь внимание немецкой общественности к бесчеловечным преступлениям национал-социализма.

Наиболее последовательно консервативная линия послевоенной немецкой историографии и, соответственно, «перспектива жертвы», была представлена в работах профессора Фрайбургского университета Герхарда Риттера. В своей книге 1948 года «История как средство образования» Риттер писал, что готов «резво и критически задать вопрос, где начался ошибочный путь немецкой истории и где он закончился, отказываясь от исторических конструкций, суммарных оценок, туманных обобщений». Позиция Риттера заключалась в том, чтобы отмежевать нацизм от длительных тенденций и особенностей исторического развития Германии: в частности, историк оспаривал ставший расхожим еще в период нацистской диктатуры тезис о преемственности между нацизмом и пруссачеством, подчеркивая полную противоположность фигур Бисмарка и Гитлера. Риттер позиционировал Гитлера как некое «инородное тело» в «здоровой национальной истории» Германии, как непредвиденное «вторжение демона» и «нового Чингисхана».

В другой своей работе под названием «Европа и немецкий вопрос» Риттер писал, что гитлеризм представлял собой нечто «принципиально новое», и его возникновение было столь же непредсказуемо, как и появление фашизма в Италии и большевизма в России [26, S. 194]. Массовый, тоталитарный тип общества, по мнению историка, был принципиально чужд немецкой истории и культуре, поэтому Германия должна вернуться к «уверенности в себе», отринуть подавленность и национальное самоуничтожение [26, S. 198]. С тезисами Риттера во многом перекликалась работа известного немецкого историка Фридриха Майнеке. В своей книге «Немецкая катастрофа» Майнеке писал, что нацизм являлся результатом девиации, отклонения от рационального, прогрессивного хода немецкой истории и представлял собой нечто вроде «природной катастрофы» [27, S. 86]. Таким образом, тон западно-немецких историков во многом перекликался с политикой Аденауэра по «преодолению прошлого», стремившейся отделить небольшую группу преступников от многочисленных «попутчиков» режима, с которых снималась всякая ответственность, и был конгруэнтен немецкой «перспективе жертвы».

Аналогичный подход доминировал в интерпретации роли вермахта во Второй мировой войне. «Перспектива жертвы» в сочетании с образом «чистого вермахта» (в противоположность «преступным СС») укрепились в особенности благодаря коллективной немецкой памяти о Сталинградской битве. Как в историографии, так и в мемуарно-автобиографическом и беллетристическом сегменте вплоть до 1960-х годов предметом дискуссии часто становились «упущенные шансы» вермахта — к примеру, возможность выбраться из «Сталинградского котла». Многочисленные документальные телевизионные драмы демонстрировали трагический образ немецких солдат, которые стали жертвами одновременно нескольких врагов: безумного главнокомандующего (Гитлера), трусливых генералов, русских танков и безжалостной зимы [28, S. 191]. Одной из ключевых тем западногерманской историографии вермахта стали страдания немецких солдат в советском плену и тяжелая судьба немецких беженцев из Польши, Чехословакии, Венгрии и балканских стран.

Ярчайшими примерами апологетической литературы о вермахте стали такие книги, как «Операция Барбаросса» Пауля Карелла [29], «Врач из Сталинграда» Хайнца Конзалика [30], «Это началось на Висле» [31] и «Конец на Эльбе» [32] Юргена Торвальда. Немногочисленные работы о вермахте, написанные с критических позиций, имели в западногерманском обществе второй половины 1940-х — 1950-х годов крайне слабый резонанс. Ярким примером немецкой «перспективы жертвы» стал автобиографический роман Эрнста фон Саломона «Опросный лист», изданный в 1951 году тиражом 150 тыс. экземпляров и мгновенно ставший бестселлером. Саломон, принадлежавший к движению так называемой «консервативной революции» и находившийся во времена Веймарской республики и Третьего рейха в оппозиции нацизму «справа», с глубоким раздражением писал о «глупости» американских оккупантов, которые заставили автора, наряду с полутора миллионами других немцев в американской зоне оккупации, заполнить денацификационный опросный лист — анкету из 131 вопроса о своей биографии до 1945 года [33, S. 205]. Другими важными темами книги Саломона стали критика нацизма как «демократической концепции, уничтожившей Пруссию» [33, S. 344], восторженное прославление штурмовых отрядов (СА) и их вождя Эрнста Рёма, а также снисходительно-одобрительная оценка «Нюрнбергских расовых законов» 1935 года, которые низвели евреев до категории «людей второго сорта» [33, S. 376].

Следует отметить, что в рамках «перспективы жертвы» были написаны и первые послевоенные западногерманские учебники истории. Характерно, что учебники для школ и гимназий 1950-х годов вообще не упоминали о преступлениях нацизма, а информация о военных кампаниях не сопровождалась фактами о преступлениях вермахта [21, S. 208]. К примеру, в западногерманском учебнике 1956 года писалось, что вермахт был непричастен к истреблению польских евреев, а У. Черчилль характеризовался как «поджигатель войны». Отмечалось,

что «во Второй мировой войне все воюющие страны так или иначе осуществляли бесчестные действия — и Германия, и Англия, и США». Тема геноцида евреев и страданий других народов, ставших жертвами немецкой агрессии, не затрагивалась [34, S. 55—56]. В то же время здесь подробно описывались страдания этнических немцев, изгнанных из Восточной Европы: «За насчитывающую две тысячи лет немецкую историю, в которой не было недостатка горю и страданиям, подобная катастрофа была для немецкого народа беспрецедентной» [34, S. 55—56].

Столь настойчивая концентрация внимания на страданиях беженцев, потерявших свою историческую родину на Востоке, была неслучайной: их судьба стала едва ли не самым значимым элементом немецкой «перспективы жертвы». Особое значение дискурса немецких беженцев заключалось в том, что он давал возможность выдвинуть мучения и нужду немцев на передний план и минимизировать значение преступлений, совершенных Германией. Показательно, что одно из первых значительных собраний документов о последствиях войны, подготовленных немецкими экспертами, было посвящено не нацистской политике на оккупированных Германией территориях, а изгнанию немцев из Восточной Европы [35]. Значение проблемы беженцев было столь велико, что все 1950—1960-е годы прошли в Федеративной республике под знаком громких деклараций их прав на возвращение исторической родины. На символическом уровне дискурс беженцев, помимо прочего, выражался посредством наименования улиц в честь городов и регионов бывших немецких восточных территорий и через создание многочисленных памятников и мемориальных комплексов.

Описанная в общих чертах немецкая «перспектива жертвы» первых послевоенных лет как своеобразный комплекс установок по отношению к прошлому доминировала в послевоенной Западной Германии около десяти лет. Преобладающим общественным настроением в данный период были апатия и безразличие к эпохе Третьего рейха, стремление отмежеваться от него, переложить ответственность за преступления нацизма на небольшую группу вождей НСДАП и их ближайших сообщников. Установка на критический самоанализ, критическую проработку немецкого прошлого и признание ответственности за нацизм являлись в данный период позицией меньшинства — главным образом, отдельных представителей политической и интеллектуальной элиты.

Оценивая ситуацию ретроспективно, можно сказать, что первые изменения в подходе немцев к нацистскому прошлому были связаны с событиями конца 1950-х, а именно с оживлением в ФРГ антисемитских настроений, вылившихся в осквернение Кёльнской синагоги в декабре 1959 года. Этот инцидент и последовавшие за ним антисемитские эксцессы стали триггером, актуализировавшим память о нацистском прошлом. Для старта критической проработки немецкого прошлого огромную важность также имели процессы против нацистских преступников 1950—1960-х годов, в частности, Ульмский процесс 1958 года, процесс против Адольфа Эйхмана в

Иерусалиме в 1961—1962 годах и Освенцимский процесс во Франкфурте-на-Майне 1962—1963 годов, вызвавшие сильнейший общественный резонанс в ФРГ. Немаловажное значение для дискурса о прошлом имели дебаты по поводу вопроса об истечении срока давности нацистских преступлений, которые шли в ФРГ в 1960-е годы. Все названные события и процессы в совокупности форсировали критическую проработку нацистского прошлого в западногерманском общественном дискурсе.

Список литературы

1. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914—1949. — München: C.H. Beck, 2003.
2. *Fischer L.* Die Zeit von 1945 bis 1967 als Phase der Literatur- und Gesellschaftsentwicklung // *Literatur in der Bundesrepublik Deutschland bis 1967* / Hrsg. L. Fischer. — München: dtv, 1986.
3. *Kocka J.* "1945: Neubeginn oder Restauration?" // *Wendepunkte deutscher Geschichte, 1848—1945* / Hrsg.: C. Stern, H.A. Winkler. — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979.
4. *Assmann A., Frevert U.* Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.
5. *Wolfrum E.* Die 101 wichtigsten Fragen. Bundesrepublik Deutschland. — München: C.H. Beck, 2009.
6. *Steinbach P.* Die publizistischen Kontroversen — eine Vergangenheit, die nicht vergeht // *Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung* / Hrsg.: P. Reichel, H. Schmid, P. Steinbach. — München: C.H. Beck, 2009.
7. *Jarausch K.H.* Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945—1998. — München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004.
9. *Эхтернкамп Й.* «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа.* — М.: Новое лит. обозрение, 2005. — С. 147—155.
10. *Struss B.* "Ewiggestrige" und "Nestbeschmutzer". Die Debatte über die Wehrmachtsausstellungen — eine linguistische Analyse. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.
11. Werden die Seelen Frieden finden? Ein Interview mit dem Psychologen Prof. Dr. C.G. Jung // *Weltwoche.* — 1945. — 11 Mai.
12. *Jaspers K.* Die Schuldfrage. — Heidelberg: Lambert Schneider, 1946.
13. *Müller R.M.* Normal-Null und die Zukunft der deutschen Vergangenheitsbewältigung. — Schernfeld: SH-Verlag, 1994.
14. *Кёниг Х.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. — М.: РОССПЭН, 2012.
15. *Schumacher K.* "Wir verzweifeln nicht" // *Schumacher K. Reden — Schriften — Korrespondenz, 1945—1952* / Hrsg. A. Willy. — Berlin: J.J.W. Dietz, 1985.
16. *Herf J.* The Emergence and Legacies of Divided Memory: Germany and the Holocaust after 1945 // *Memory and Power in Post-War Europe* / ed. J.W. Müller. — Cambridge: Cambridge UP, 2002.
17. *Heuss T.* Das Mahnmal (Rede anlässlich der Einweihung der Gedenkstele Bergen-Belsen am 30. November 1952) // *Heuss Th. Die grossen Reden. Bd. 2: Der Staatsmann.* — Tübingen: Wunderlich, 1965.
18. *Adenauer K.* Regierungserklärung des Bundeskanzlers Konrad Adenauer vom 20. September 1949 // *Die stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс].* — Режим доступа: http://hdg.de/lemo/html/dokumente/JahreDesAufbausInOstUndWest_erklaerungAdenauerRegierungserklaerung1949/index.html
19. *Arendt H.* Besuch in Deutschland 1950 // *Arendt H. Zur Zeit. Politische Essays* / Hrsg. M.L. Knott. — München: dtv, 1986.
20. *The Germans. Public Opinion Polls, 1947—1966* / eds.: E.P. Neumann, E. Noelle-Neumann. — Westport: Greenwood Pub Group Inc., 1981.
21. *Görtemaker M.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. — München: C.H. Beck, 1999.
22. *Mitscherlich A., Mitscherlich Margarete.* Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. — München: Piper Verlag, 1967.
23. *Fulbrook M.* German national identity after the Holocaust. — Cambridge: Polity Press, 1999.
24. *Kogon E.* Der SS-Staat. — Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1946.
25. *Kracht K.G.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
26. *Ritter G.* Europa und die deutsche Frage. — München: Münchner Verlag, 1948.
27. *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. — Wiesbaden: Brockhaus, 1946.
28. *Wolfrum E.* Die suche nach dem "Ende der Nachkriegszeit". Krieg und NS-Diktatur in öffentlichen Geschichtsbildern der "alten Bundesrepublik" Deutschland // *Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945* / Hrsg.: S. Brandt, C. Cornelißen, L. Klinkhammer, W. Schwentker. — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.
29. *Carell P.* Unternehmen Barbarossa. — Frankfurt am Main: Ullstein, 1963.
30. *Konsalik H.* Der Arzt von Stalingrad. — München: Kindler, 1957.
31. *Thorwald J.* Es begann an der Weichsel. — Stuttgart: Steingrüben, 1953.
32. *Thorwald J.* Das Ende an der Elbe. — Klagenfurt: Buch und Welt, 1950.
33. *Salomon E. von.* Der Fragebogen. — Hamburg: Rowohlt, 1951.
34. *Crawshaw S.* Ein leichteres Vaterland. Deutschlands Weg zu einem neuen Selbstverständnis. — Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005.
35. *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa* / Hrsg.: Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte. — Bonn; Berlin, 1953—1957. — Bd. 1—4.